

Громкое имя

Ингмар Бергман предпочитает уединение. Даже короткий рейс до Стокгольма с островка Фаре, где сейчас живет мэтр шведского кино, не обходится без приема успокоительных лекарств. Поэтому организаторы проходящего в Нью-Йорке фестиваля творчества Ингмара Бергмана (май - август 1995) получили на свое грандиозное мероприятие все кино, телевизионные и театральные работы Бергмана, но не самого маэстро.

“Ненавижу путешествия, — признается он, с заметной неприязнью глядя на диктофон. — Давно уже никуда не езжу.”

Бергман согласился на интервью с большой неохотой, но пообещал, что это “последнее”, по его словам, публичное высказывание, будет абсолютно честным.

Редеющие волосы маэстро сегодня совершенно седые; его руки слегка дрожат; но даже небольшая бородка не может изменить знакомого по фотографиям лица.

“Я стесняюсь незнакомых людей”, — признается он, уверяя, что очень рад возможности избежать внимания общественности. 76-летний постановщик ставит в среднем две пьесы в год в Королевском драматическом театре Стокгольма, а в остальное время работает над романами, пьесами и телевизионными сценариями в своем домике на острове Фаро в Балтийском море. Маэстро говорит, что его последний фильм “Фанни и Александр” (1983) снимался целых семь месяцев и исчерпал все его кинематографические силы и ресурсы.

“Я подумал — ну наконец-то все! И понял, что мне приятно ощущение завершенности. Тогда-то я и решил, что больше не буду давать интервью”.

Вместо бесед с представителями второй древнейшей профессии маэстро выпустил в 1987 году автобиографическую книгу “Латерна магика”, в которой предельно честно, даже беспощадно рассказал о себе и своих демонах.

Бергман смеется, когда его об этом спрашивают. “Я пытался изгнать демонов с помощью фильмов, но они все равно возвращались”.

Сейчас я научился держать их под контролем. Они знают, что до меня легче всего добраться ранним утром, когда я еще не встал, и обычно они наваливаются со всех сторон. Но я их обманываю тем, что сразу же встаю. Они ненавидят свежий воздух. Я иду на прогулку в любую погоду, — а они ненавидят ходьбу”.

Бергман старается казаться пронырливым, но это не всегда ему уда-

ется. Порой он тяжело вздыхает, порой надолго замолкает. Но потом смеется и называет себя “чокнутым педантом”.

“Разумеется, все мои произведения автобиографичны, — говорит он после очередной длинной паузы. — Автобиографичны в том смысле, в котором мечта преобразует опыт и эмоции. Но так было всегда. С детства это было игрой в фантазии и реальность. С детства и до сегодняшнего дня”.

Ингмар Бергман: “Если бы не моя профессия, сидел бы в психушке”

“Дверь между сегодняшним стариком и тогдашним ребенком все еще открыта, —

признается Бергман после очередного молчания. — Я могу пройти по бабушкиному дому, точно зная, где висят картины на стенах, какая мебель стоит в каждой комнате, увидеть все в мельчайших деталях, услышать голоса, почуять запахи.

Когда ночью я лежу в постели, мне достаточно секунды, чтобы перенестись туда. И возникает та же самая реальность — мир моего детства”.

Сложно ли переносить эти воспоминания-фантазии на язык искусства?

“Когда я пишу что-нибудь ужасное или печальное, я вовсе не ужасаюсь и не впадаю в депрессию. Я просто работаю. То, о чем я пишу, — далеко. Я могу стоять в центре этой драмы, слышать, как вокруг

меня разговаривают люди, различать мельчайшие оттенки интонаций и просто записывать за ними, потому, что порой они говорят удивляющие меня слова. Но при этом я как бы стою по ту сторону событий. В значительной степени”.

В детстве он убежал в вымышленный мир, спасаясь от мира реального. Повзрослев, открыл для себя такие пути спасения, как кино, театр и телевидение. В 50-60-е

вышли фильмы “Седьмая печать” и “Земляничная поляна”, которые, помимо репутации ведущего европейского режиссера, создали Бергману личную легенду. Вторая половина 60-х ознаменовалась новым направлением творчества: фильмы, основанные на горьких воспоминаниях детства, отразили мрачные и жестокие взгляды Бергмана на жизнь и смерть.

В начале 70-х он обратился к другой, не менее противоречивой стороне своей жизни — пять браков и многочисленные бурные романы маэстро стали толчком к созданию таких фильмов, как

“Сцены из супружеской жизни” и “Крики и шепоты”.

Кино, одна-

рые я так люблю”, стали произведениями Стриндберга. И первыми были поставлены пьесы “Фрекен Жюли” и “Игра в сон”.

Но где бы ни работал Бергман — в кино, на ТВ, в театре — все это, по словам режиссера “, игры и снова игры”.

“Главное — зритель, — сказал он в конце нашей беседы. — Одно дело — заставить людей смеяться, забыть, быть счастливым в своем невении. Но совсем другое — пока-

зать им ужасное и невыносимое так, чтобы они смогли на это смотреть и вынести из этого позитивный опыт”.

Трудно ли самому Бергману “смотреть на это”?

“Когда я был молодым, то очень боялся смерти. Но теперь я думаю, что смерть — очень мудрое решение природы. Все равно что задуть свечу. Зачем поднимать шум по этому поводу?”

Он остается пессимистом — как им не быть, спрашивает он, если нас окружает “ужасающий и невыносимый” мир?

“Но если я в хорошем настроении, я превращаюсь в пессимиста с хорошим настроением. Стараюсь не позволять себе впасть в депрессию”.

С возрастом он стал добрее. К миру, к окружающим, к давно ушедшим. Особенно к своим родителям. Этого нельзя не заметить, читая его книги последних лет. Яростно-исповеднический тон “Латерна магика” (поставленной на сцене) сменился более сдержанным стилем трех последующих романов о родителях Бергмана.

“Мне кажется, в молодости я был к ним несправедлив, — говорит он. — Я доволен, что написал эти книги”.

Последний вопрос: смог ли бы он стать таким умным и беспощадным исследователем человеческой психологии, если бы посещал сеансы психоанализа?

“Нет, никогда, — быстро отвечает Бергман. — Если бы не моя профессия, я наверняка попал бы в психушку. Но я никогда не прекращал работать, и это спасло меня от безумия. Работа оздоравливает — по крайней мере, меня. Мне не нужен психоаналитик”.

Элан РАЙДИНГ.

СТОКГОЛЬМ.

●Ингмар Бергман в 50-е годы.